

КАК ГИБНУТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Кеннет Миноуг

Перевод с английского С. Передерия, О. Шевченко¹

Аннотация: Автор доказывает, что европейская цивилизация подверглась нападению и завоеванию изнутри, причем никто в полной мере не осознал, что произошло. Акторами этого нападения стали революционно настроенные радикальные феминистки. А политкорректность, процветающая на Западе, – это по существу перемирие между захватчиками (феминистками) и погибающей цивилизацией (классический «мужской Запад»). Итогом этого перемирия становится загнивание культуры, экономики, социума, ослабление армии, полиции и иных державных скреп некогда могущественных держав западного мира.

Ключевые слова: радикальный феминизм, культурная революция, политика идентичности, политический консерватизм

Как гибнут цивилизации? У исламских мыслителей было свое представление об этом. Представьте себе цивилизацию, центром которой был двор правителя процветающего города – скажем, Багдада. Расцвет искусства и интеллекта. Но спустя несколько поколений, как это выразил великий философ Ибн Халдун², роскошь приводит цивилизованных людей к деградации. Они теряют остроту ума и думают только о благом и прекрасном. И тут, почуяв их слабость, некое племя свирепых бедуинов совершает набег из пустыни и штурмует город. Будучи варварами, они не понимают обычаев цивилизации: держат своих лошадей в библиотеках и используют скульптуры для подпора дверей, а картины – для стрельбы по мишеням. Ибн Халдун с презрением отмечает, что они глядят на подушку как на узел из тряпок. Однако сила более высокой культуры проявляется со временем, и эти люди перенимают, а иногда и совершенствуют достижения цивилизации, пока не будут свергнуты сами.

Так устроен мир. Иногда это происходит в течение жизни одного человека, как в случае с солдатами-варварами, ставшими римскими императорами, иногда в замедленном темпе, как при гибели Римской империи, когда должно было пройти много столетий, прежде чем новая цивилизация выросла из хаоса варварских нашествий. В нашем случае ситуация заметно отличается внешне, но реальное положение дел может иметь больше сходства с описанным выше, чем кажется.

Одна из причин, почему мы можем этого не сознавать, заключается в том, что

1 Перевод выполнен по изданию: Kenneth Minogue. How civilizations fall // The New Criterion. 2001. Vol. 41, No. 2. URL: <https://newcriterion.com/issues/2001/4/how-civilizations-fall>

2 Ибн Халдун (1332–1406) – один из крупнейших исламских философов. Автор выдающегося социально-философского труда «Муккаддима» (здесь и далее примечания переводчиков).

сама грань между варварством и цивилизацией была стерта нынешним релятивизмом, утверждающим равенство всех культур. Никто, конечно, не воспринимает это всерьез. Даже если оставить в стороне развитие технологий, то неравенство культур в моральном аспекте ясно обнаруживается в положении женщин. Кроме того, только западный мир отменил рабство. Однако, следуя нынешним нормам приличия – возможно, дистанцируясь от зловещего «триумфализма» – мы не должны провозглашать превосходство европейской цивилизации в чем-либо, даже если это единственное место, куда хотят попасть миллионы людей. Вместо этого нас обязывают довольствоваться рационалистическим учением, которое превращает обычаи европейской цивилизации в отнюдь не убедительный набор абстракций о всеобщих правах. Используя этот прием, можно признать все культуры (включая западную) в равной степени виновными в нарушении норм морали тем или иным образом.

В прошлом цивилизация была общей чертой класса людей, способных «тонко чувствовать», в то время как варварство можно было найти не только среди племен по другую сторону границы, но также и среди рабов и крепостных людей в пределах самой цивилизации. В современных либеральных демократиях эта четкая взаимосвязь между культурой и классом исчезла. Все приобщаются к высшим формам проявления культуры. Школьное образование, музеи и средства массовой информации доступны каждому человеку. Но варварство остается активной силой в современных обществах, отчасти из-за грубости и невежества, а отчасти из-за утраты культурных традиций. Это характерно для тех, кто путает несколько лет обучения в вузе и образование как таковое.

В современной Европе нет бедуинов, совершающих набеги из пустыни (всего лишь миллионы понурых мигрантов, пытающихся проскользнуть через ворота), но тенденция к варварству у нас повсеместно сильна. Следовательно, формула ниспровержения западного общества должна состоять не в том, чтобы «штурмовать стены», а в том, чтобы «организовать своих собственных варваров» внутри них. Ненавидящие европейскую цивилизацию знают, что ее нельзя взять штурмом «в лоб». Это означает, что она должна быть захвачена изнутри. Таким был план, принятый на вооружение многими революционерами, в первую очередь Марксом, создавшим в пределах Запада новое враждебное племя под названием «пролетариат». Их можно было превратить в племя революционеров, снабдив подходящих людей (промышленных рабочих, к примеру) осознанием своего единства, чтобы в каждой сделке они воспринимали себя как коллектив. Их преследовала деспотичная буржуазия. Подобно стражам в платоновской республике, этих революционных повстанцев нужно было научить быть послушными внутри революционного движения и огрызаться на тех, кто снаружи.

Маркс дал пример всем последующим «революционным» движениям, стремящимся захватить власть. Его модель «создай свое собственное племя» пригодилась националистам, анархистам и многим течениями социалистов. Самый творческий подход к данной модели предложил Гитлер, преуменьшив значение виктимизации и представив каждого арийца сверхчеловеком. Чтобы избавиться от него, всему миру пришлось взять оружие в руки. Однако вскоре революционеры обнаружили, что революция, основой ко-

торой было лишь племя пролетариев, имела успех только в том случае, когда дело касалось неискушенных народов – предпочтительно неевропейцев, у которых отсутствовал опыт свободы и реальной политической жизни. В европейских государствах, где имеет место общественная мобильность, в своем большинстве рабочие предпочитали не тратить время на революционные комитеты и детский лепет на политических демонстрациях, а проводить его более продуктивно. Необходимо было предложить что-нибудь новое. И оно было предложено социалистами, вроде Ленина и Муссолини, взявшими на вооружение принцип Преторианской гвардии: сплоченная партия-авангард, способная использовать массы в качестве манекенов-чревоушителей и стремиться к власти на своих условиях. Эта методика была частью более широкой тенденции к появлению олигархий, правящих посредством демократических лозунгов.

На протяжении 1960-х годов создавалось новое племя, тоже стремившееся разрушить цитадель Запада изнутри и добившееся значительно большего успеха. Это были радикальные феминистки Бетти Фридан. Данное племя было создано из женщин, получивших известное образование и живших семейной жизнью. Технический прогресс в значительной степени избавил их от тягот уборки дома, в то время как достижения фармакологии освободили их от чрезмерного размножения. В тактическом отношении радикальные феминистки привнесли одну инновацию, которая оказалась решающей для судьбы Запада в течение последнего полувека. Они старались замалчивать то, что их проект включал передачу власти, и действовали, исходя якобы из чисто моралистического принципа, что их требования были справедливыми.

Что обусловило это знаменательное событие? Это трудный вопрос, но мне кажется, что Диана Шауб объяснила его суть в своем эссе «О характере поколения X»:

[Бетти] Фридан была права в том, что чувство неудовлетворенности, которое испытывали эти привилегированные женщины, было результатом «медленной смерти разума и духа». Но она ошибалась, говоря, что у данной проблемы нет названия. Ее название – скука. Феминизм породила скука, а не угнетение. И что же стало выходом из этого затруднительного положения? Феминистки потребовали статуса наемных рабынь; они решительно отвергли радости досуга.

А термин «досуг» для профессора Шауб имеет классическое древнегреческое значение: высокоинтеллектуальную деятельность, когда все жизненные потребности удовлетворены.

Первой задачей этого нового движения стало создание единства сознания, необходимого для функционирования племени. Как и все формы психического коллективизма, «рост самосознания» (в традиционном понимании термина) эксплуатирует негодование и культивирует праведность. В данном случае он использовал базовый для освободительной идеологии образ тюрьмы и, отождествляя счастье с работой, утверждал, что лишь мужское угнетение на протяжении веков «привязывало» женщин к домашнему быту. По сути, радикальный феминизм отрицал взаимодополняемость полов и представлял мужчин и женщин в виде конкурирующих команд, играющих в одну и ту же игру. Но такую игру, в которой все правила были против женщин. Только основыва-

ясь на эксцентричном предположении, что женщины обладают такими же талантами и склонностями, как и мужчины, феминистки могли сделать вывод о нечестной игре. Как и в случае обращения Гитлера к идее арийской расы, основным принципом стала лесть: выяснилось, что женщины – это группа удивительно талантливых людей, которых несправедливо подавляют мужчины, управляющие патриархальной системой.

Эта идея внедрилась в политику идентичности – зарождающуюся форму фундаментализма, в которой каждое суждение должно начинаться с якобы существенной самоидентификации в качестве женщины. Одним из следствий (как и в ситуации с марксизмом) стало то, что класс «экспертов» понимал реалии общества лучше, чем любая конкретная женщина; и любая женщина, не согласная с этим, нуждалась в исправлении своего самосознания. Собранные воедино, эти суждения составили новую доктрину, которая теперь называется просто «феминизм». В жизни европейских народов она явилась массовой трансформацией человеческой психики. Еще во время Второй мировой войны клепальщица Роза была, конечно, женщиной, но еще и женой, патриотичной американкой, участвовавшей в борьбе с фашизмом, и еще многим другим. Самое важное заключается в том, что радикальный феминизм совершал нападки на саму концепцию женственности как на что-то навязанное женщинам превосходящей силой и подкрепленное культурой романтики, характерной для европейского искусства и литературы.

Все это может быть истолковано (как это делали и сами радикальные феминистки) в качестве массового ощущения женщинами уверенности в себе, но может также означать полный крах женственности перед лицом более широкого и неоднозначного проекта, использующего женщин для создания полностью андрогинного (и манипулируемого) мира. В таком мире мужчины стали бы практически неотличимыми от женщин.

Это было не чем иным, как попыткой уничтожить не только существующую структуру власти, но и цивилизацию, которая на ней зиждилась. Используя терминологию Ибн Халдуна, можно назвать это попыткой завоевать Запад изнутри, но не прямой атакой на его государственные структуры (ибо никто не сомневался, что у мужчин имелась сила для отражения такой атаки), а путем использования некоторых особенностей его культуры. И чтобы осознать значимость этого движения, нам нужно охарактеризовать европейскую цивилизацию, ставшую объектом их атаки.

В этом плане самый очевидный факт мы вряд ли можем упомянуть без смущения или насмешки теперь, когда революция победила, потому что это факт, который могущественные современные силы делают рецессивным. Просто эта цивилизация, пользуясь грубой терминологией популярных хитов (creative hits), является достижением белых мужчин. История западной цивилизации – это череда умных мужчин, развивающих совокупность традиций или изобретающих блага, взаимосвязь которых образует Запад. И почти все они – от Фалеса и Евклида до Эйнштейна и Джорджа Гершвина – были мужчинами. Они представляют собой совокупность «мертвых белых мужчин», которых радикальные революционерки от суб-академической культуры очернили и поклялись сбросить с пьедесталов. Однажды я услышал, как одна феминистка выразилась так: «Нет такого понятия, как “великие умы”». Данная доктрина является настолько

влиятельной, что простое фактическое утверждение, что именно мужчины создали то, что обычно понимается под Западной (и, если уж на то пошло, любой другой) цивилизацией, кажется бестактным оскорблением равенства людей. И следующим пунктом в моей аргументации должно стать рассмотрение этого как проблемы.

Сказать, что все это создали мужчины, верно и важно; но это то же самое, что выбросить множество рыб на пустынный берег. При этом мы упустим из виду среду общественной и политической жизни, без которой ничего из этого не могло случиться. Как и в случае с жизнью общества в целом, Европа была миром половой взаимодополняемости; и нет надежного способа отделить зерна, из которых взойдут ростки, от плевел. Но о женщинах мы можем сказать то, что Фальстаф сказал о себе, а именно, что он не только был остроумен, но и пробуждал остроумие в других людях. На первый взгляд, выставляя женщин слабой командой по сравнению с изобретательными мужчинами, я просто указываю на ошибку, совершаемую радикальными феминистками, которые взяли на вооружение абстрактную идею о том, что единственное, что имеет значение, это то, кто изобрел или создал что-либо. И вот, ухватившись за эту ошибочную идею, они попытались создать альтернативный канонический список писательниц, женщин-философов, художниц и т.д., чьи таланты подавлялись патриархальным обществом. Эти «воскрешенные» личности часто заслуживают более внимательного рассмотрения как таковые, но они не могут служить новым канонам. Известно высказывание Камиллы Пальи, что, если бы мы ждали, пока женщины изобретут цивилизацию, мы бы до сих пор жили в соломенных хижинах. Так же верно то, что если бы мы ждали, пока мужчины сделают жизнь комфортной, то до сих пор бы жили в свинарниках. На протяжении веков женщины определяли наш образ жизни. Как следует из учения радикального феминизма, этого недостаточно: женщины могут быть признаны равными и пользоваться равным уважением с мужчинами только в том случае, если они будут признаны превосходящими в тех же самых видах деятельности, что и мужчины. Женская команда должна иметь возможность показать свой результат на табло достигнутых результатов в искусстве, науке и технике в той же шкале, что и мужчины. Племенное сознание феминисток зависит от усвоения этого и подобных убеждений. Но весь этот вздор основан на предположении, что женщины точно такие же, как и мужчины, и что свое счастье они могут найти именно в тех же сферах, что и мужчины. Однако это отнюдь не так. И эта ошибочная идея могла прийти в голову только группе женщин, в умах которых возникла путаница из-за поверхностного контакта с гуманитарным образованием.

Можно сказать иначе: западная цивилизация отличается необыкновенным любопытством как к природе, так и к жизни других обществ. Многие свои идеи и изобретения европейцы переняли у других цивилизаций. Отчасти по этой причине она стала в высшей степени открытой для всех желающих участвовать в ее развитии. Ее религия, языки и знания получили широкое распространение, и к XX веку люди со всего мира стали учеными, историками, писателями, художниками и т. д. на западный лад, а многие из них и в самом деле перебрались жить на Запад. Некоторым представителям традиционных обществ за рубежом люди западной цивилизации казались холодными и отчуж-

денными, но гораздо большее их число восприняли Запад как освобождение.

То же самое можно сказать и о женщинах. В разные периоды прошлого многие женщины имели доступ к образованию, и, начиная с XVIII века, у ряда женщин возрастал интерес к профессиям, ранее доступным одним мужчинам. К концу XIX века они уже пробивались в университеты. При этом часто они подвергались насмешкам со стороны наиболее грубых из своих коллег-мужчин. Однако другие мужчины были всегда на их стороне, и в первой половине XX века женщины проникли во многие сферы, доступ к которым ранее был ограничен для них различными условностями. Будучи племенным сознанием, радикальный феминизм рассказывает об этом как о борьбе с угнетением. И в некотором смысле это в самом деле была борьба. Но мы не должны выходить за рамки разумного и говорить об этом как о рабстве и войне.

Бенефициарами этого нового явления были по большей части белые женщины из среднего класса, которые просто испытывали сопротивление, обычное для любой формы повышения социального статуса. Они безошибочно следовали за поднимающейся волной, вызванной расширением диапазона возможностей в западном обществе. В любом случае это была христианская цивилизация, что означало, что характер человека имел такое же значение, как и общепринятый статус. В большинстве цивилизаций люди вписываются в привычную схему воинов, жен, священников, ученых, ремесленников, торговцев и проч. По словам Эрнеста Геллнера, Запад стал «модульным» в том значении, что люди обладают множеством талантов и навыков и могут проявлять гибкость, приспособляясь к другим людям, когда нужно реагировать на новые ситуации. Подобно мебели, которую можно переставлять по мере необходимости, европейцы обладают универсальностью, позволяющей им адаптироваться ко всевозможным форматам работы или отдыха. По мере того как женщины чувствовали вкус к образованию и получали возможность участвовать в жизни за пределами домашнего быта (что ранее было доступно только богатым женщинам), им удавалось (как это и бывает обычно) получить то, что они хотели. Таким образом, либеральный феминизм был естественным этапом в развитии цивилизации. И вдруг в 1960-х годах эта тенденция была зарублена на корню новым радикальным учением, согласно которому женщины могут и должны делать все то, что и мужчины. Либеральный феминизм возник на основе западной традиции, а традициям свойственна гибкость. У него не было проблем с допуском женщин к новым профессиям без решительного изменения более широких отношений между полами. Но радикальный феминизм отличался доктринерством и требовал, чтобы жизнь всех женщин отвечала единственно верному шаблону. Чтобы воодушевить новое племя, нужна была мелодрама об угнетении. Подобно тому, как буддийские священники должны медитировать над образом человеческого черепа, чтобы развить правильное отношение к человеческой смертности, так и феминистское учение процветает на страшных историях о женщинах, которым до нашего столетия не разрешалось получать ученые степени в Оксбридже. Сравнивая это с ужасами XX века (или даже с положением женщин в других странах мира) мы можем обнаружить определенную несоразмерность.

Открытость западной культуры проявляется в том, что уже в первой половине XX

века женщины в ней получали высшее образование и проявляли себя в профессиональной и научной сферах. Число женщин, посвятивших жизнь работе в них, было относительно небольшим, и некоторые люди считали это проблемой; но это было проблемой только для тех, кто ориентировался на статистику, а не на отклики реальных людей. Тем не менее ложное предположение о мужском и женском изоморфизме является причиной, почему феминистки в журналистике часто становятся лоббистами и выставляют как порок общества любую разницу в средней заработной плате мужчин и женщин или в относительном процентном соотношении женщин, занимающих руководящие должности. Это была одна из тех капель, которые должны были точить камень патриархата, а хорошо известный принцип пропаганды состоит в том, что многократное повторение слов о необходимости какого-либо действия сокрушает противодействие. Но эти цифры и сам аргумент не имеют рационального смысла, и тот факт, что они регулярно появляются в газетах, как будто они действительно имеют смысл, является причиной, почему их необходимо оспорить.

Ключ к современной западной цивилизации – ее открытость для талантливых людей, где бы те ни находились. Феминистское требование коллективных квот ниспровергло эту основную ее черту. Ключевым моментом здесь является то, что характер цивилизации раскрывается в ее понимании достижений. Европейская цивилизация откликнулась на достижения везде, где их можно было найти. Замена достижений квотами означает разрушение одной цивилизации изнутри и замену ее другой. Мы уже не те, что были раньше. Проблема в том, как объяснить, каким образом Запад пришел в упадок.

Это произошло не потому, что воины штурмовали стены загнивающей цивилизации, а из-за того, что пятая колонна использовала ее внутреннюю слабость. И оружием для нападения оказался не меч, а нравоучительная риторика, содержащая призывы к справедливости. Экономические и политические последствия (например, то, что талантливым и квалифицированным мужчинам будет отказано в работе, ведь рабочие места теперь нужно будет заполнять по квоте) обсуждались редко. Защитники сохранения статуса-кво оказались в глубоком замешательстве, отчасти потому, что еще ранее они согласились считать моральные и религиозные идеи чисто субъективными. Они не могли договориться о том, какую линию защиты, а нападение часто происходило со стороны их собственных семей. Цель атаки заключалась в том, чтобы женщины с ученой степенью получили более высокие должности в организациях. Меня здесь не интересует глубинная подоплека краха всей этой конструкции. Я хочу сосредоточиться на более насущном вопросе: почему защитники так легко капитулировали?

В прежние века проект включения женщин в трудовые ресурсы, без сомнения, был бы иллюзорным еще и потому, что никто не думал о них в терминах трудовых ресурсов. Во-первых, женщины были нужны для того, чтобы поддерживать огонь в домах. Как бы то ни было мир работы вдали от домашнего очага их вряд ли привлекал самих. Вспашка земли требовала тяжелого физического труда, превышающего силы большинства женщин; и они не стремились орудовать топором. Кроме того, в течение долгого отрезка своей жизни они были заняты вынашиванием, рождением и воспитанием детей.

Однако в современном мире перевод женщин из дома на работу отнюдь не выглядел неосуществимым, поскольку то, что называется «работой», теперь в основном выполнялось в офисах с центральным отоплением, за компьютером. В созданном мужчинами мире, где нужно было только нажимать на кнопки, физическая сила почти нигде не требовалась, особенно на более привлекательных должностях. Работа была проклятием Адама, а роды – проклятием Евы, но теперь работа превратилась в довольно приятную перетасовку символов в офисе. Нетрудно было представить такую работу – именно она интересовала выпускниц гуманитарных вузов, по преимуществу пополнявших ряды радикального движения, – как освобождение от уз семейной жизни и утомительного детского лепета. И это соответствовало более широкому социалистическому представлению о том, что ценность человека – это его вклад в благополучие других. Давней мечтой социалистов и большевиков, среди прочих, было поглощение семьи обществом, где все будут жить сообща, рестораны и детские сады заменят семейные обязанности, а женщины будут работать каждый день наряду с мужчинами. И тут эта мечта возродилась уже не как аспект утопии, а как окончательное достижение справедливости против мира угнетения.

Обратимся теперь к самой сути вопроса: почему это восстание имело успех? Не могло быть и речи о том, чтобы повстанцы обладали превосходящей огневой мощью или выдающимися воинскими достоинствами, хотя племя радикальных феминисток показало себя бесстрашным. На самом деле главный момент в том, что именно их слабость обусловила им успех. Даже тот факт, что с интеллектуальной точки зрения радикальный феминизм не мог сказать ничего, что не было сказано более ранними формами социального перфекционизма, просто означал, что оппозиция уже была смягчена для виктимологической атаки. И несмотря на все негодование по поводу угнетения, радикальное феминистическое сообщество было не столько моральной силой, сколько выразителем неприкрытого интереса, требуя работы для своих последовательниц. Работы с той же зарплатой и статусом, что и у мужчин. Стало даже общепризнанным фактом, что в период, предшествовавший революции, выдающиеся женщины без особого труда пробивались в научной и повседневной деятельности. Задача заключалась теперь в том, чтобы на эти должности могли попасть женщины с весьма средними способностями.

В принципе мужчины были в выигрышной позиции. Они являлись менеджерами, правителями, профессорами и директорами предприятий. И они были гарантами того единственного, от чего зависела их цивилизация: карьеры, открытой для таланта. Безусловно, были времена, когда предубеждения мешали женщинам получить ту или иную работу, но наем способных женщин был тем, чем занимались менеджеры уже давно. В начале XX века женщины напоминали евреев: некоторые люди, возможно, не хотели брать их на работу, но неспособность распознать их способности вскоре наказывалась конкурентами, получившими, так сказать, фору. Эти соображения вскоре потеряли свою актуальность, как только радикальный феминизм утвердил основную идею (на словах ими всегда отвергаемую), что план состоял в установлении пятидесятипроцентной квоты для женщин на всех востребованных должностях.

сур Олсон определил как ахиллесову пяту демократии: небольшая группа людей, страстно требующая конкретных благ и преимуществ, всегда будет побеждать подавляющее большинство, чьи непосредственные интересы затронуты лишь в малой степени. Радикальные феминистки представляли собой относительно небольшую группу, но их идеи были на определенном уровне вполне убедительными для большинства женщин, а в семьях у мужчин были жены и дочери, чьему благополучию они хотели способствовать. Ни одна политическая партия не поддержала бы эту программу в полной мере, но проявление общей симпатии к ней не нанесло вреда электоральным перспективам. Оказавшись в правительстве, энтузиасты работали над законодательством под лозунгом равных возможностей. Очень скоро сеть могущественных бюрократий распространила это радикальное учение на все сферы управления. Можно было полагаться на то, что суды расширят свои полномочия путем регулирования договоров и расширения деликтного права. В течение одного поколения революция не только увенчалась успехом, но и создала в западных странах оккупационную армию соопработников, следивших за соблюдением равенства возможностей и засевавших в отделах кадров по всей стране.

А почему бы и нет? Это вполне может быть востребованным. Многие женщины обладают большими способностями, и современному обществу не следует придерживаться условностей, которые могли быть необходимы в прошлом, но которые прогресс сделал ненужными. Самыми успешными обществами оказались те, в которых женщины могли свободно принимать активное участие во всех сферах жизни общества. Все это верно и уже было признано в ходе развития либерального феминизма до 1960-х годов. Проблема возникает только с квотами для женщин повсеместно на рынке труда.

Однако в некоторых значимых сферах таких требований не предъявляется. Это либо те области, куда женщины-выпускницы не хотят идти (тяжелая работа на открытом воздухе), либо там, где отсутствие способностей может привести к мгновенной катастрофе, например, операция на головном мозге или пилотирование коммерческого самолета. Женщин можно найти и в том, и в другом, но только при наличии у них соответствующих способностей. Очевидно, что в университетах все не так жестко и серьезно, потому что последствия вредительства в системе образования проявляются лишь спустя десятилетия. Например, эффект университетских квот на «гендерное разнообразие», часто заключается в том, чтобы заполнить гуманитарные факультеты женщинами с целью уравновесить процент, «искаженный», если можно так выразиться, техническими и физико-математическими факультетами, на которых трудно найти способных женщин. Многие женщины в сфере гуманитарных наук действительно очень способные, но многие не таковы. Но они часто делают успешную карьеру, организуя причудливые курсы идеологической направленности (особенно в сфере феминологии), которые едва ли могут претендовать на академический характер.

А как насчет областей, которые женщинам явно не подходят, например, армия, полиция или тушение пожаров? На самом деле все они подверглись нападкам, потому что, хотя женщины не подходят для тяжелой работы на должностях в самом низу карьерной лестницы, в этих сферах есть завидные управленческие возможности на верхних ступе-

нях. Они представляют собой еще одну кормушку, перед которой невозможно устоять. В случае с пожаротушением суд Нью-Йорка еще больше сгустил краски, когда вынес решение о том, что тест на пригодность к работе, который не прошли почти все женщины, должен считаться дискриминационным и, следовательно, незаконным, а также выводящим понятие «верховенства закона» далеко за рамки разумного. Это была доктрина под названием «несопоставимое воздействие». Аналогичные соображения коснулись и женщин в вооруженных силах. Стандарты приема на военную службу были снижены, чтобы женщины могли соответствовать установленным требованиям. Один из аргументов в пользу этого – то, что отвергнутые тесты проверяли качества, которые редко нужны в данной области, и это действительно может быть правдой. Тем не менее идея о том, что солдаты – это герои, делающие то, на что обычно не способны женщины, всегда была частью самосознания мужчин, даже тех, кто никогда не слышал боевого выстрела. Маленькому мальчику, склонному вскрикивать, когда щиплет йод на ранке или, когда ему делают укол, можно было сказать: «Будь солдатом». В наше время, согласно учению феминизма, ему, скорее всего, посоветуют выразить свои чувства.

Атаки феминисток на такие институты, как церковь, вызывают аналогичные проблемы. В принципе, нет ни малейшей причины, по которой женщинам не следует становиться священниками. И на самом деле, можно подозревать, что феминистки могут быть правы, диагностируя сопротивление отчасти нездоровому отношению к женщинам со стороны части духовенства. Роль пастырей женщины вполне могут играть лучше мужчин, как это делают некоторые женщины в политике. Проблема в том, что женщины-священники поднимают неудобные вопросы христианского богословия. Иисус выбирал апостолов только мужского пола. Был ли тогда сын Божий просто порождением своей собственной культуры? Здесь самым заметным образом появление женщин полностью меняет концепцию деятельности – и не в лучшую сторону. Женское духовенство мало что сделало, чтобы обратить вспять нынешний упадок церкви. Действительно, в то время как женщины как личности часто улучшали то, частью чего они становились, приход женщин в целом редко приносил многое в какую-либо сферу, где ранее доминировали мужчины, за исключением, что немаловажно, бюрократии.

Наиболее показательным является военное дело. Никто не сомневается в том, что женщины уступают мужчинам в физической силе и спорте. Ни одна футбольная команда не станет выставлять женщин против первой команды мужчин. Тем не менее, правительства стран Запада, которые в настоящее время не чувствуют угрозы со стороны какой-либо крупной военной державы, готовы рискнуть и доверить свою безопасность женщинам-воинам. Ситуация не была бы настолько серьезной, если бы уже были сформированы женские батальоны, эффективность которых можно было бы со временем проверить в реальных ситуациях, не ставя под угрозу безопасность стран Запада. Но программа феминистского движения состоит в том, чтобы заставить армию, как и остальную часть общества, соответствовать определенной идее, а женщины хотят быть там, где есть мужчины, полностью там интегрироваться, чтобы мужчины были на подхвате, когда придется выполнять грязную и неженскую работу. Либеральные феминистки рискнули основать

собственные высшие учебные заведения, но радикальным феминисткам было нужно, чтобы рядом были мужчины. Они хотели быть интегрированными. И все это произошло не потому, что политическая мудрость провозгласила это необходимым для защиты страны, и не потому, что на этом настоял электорат, а в результате того, что агентства создали определенные юридические и бюрократические цепочки.

А теперь вернемся к непростому вопросу, почему мужчины – хранители нашей цивилизации – изменили своему делу. Безусловно, следует признать известный элемент трусости, ведь радикалки были племенными воительницами, корчащими свирепые лица и топающими ногами. Защитниками были белые, мужчины и представители среднего класса, а радикалки уже давно вели кампанию по подрыву морального духа каждой из этих абстрактных категорий. Они обозначали расизм, сексизм и элитарность соответственно. В рамках этих абстракций трудно было не выставить мужчин в роли угнетателей женщин. К тому же защитники не были едины. Многие из них являлись давними сторонниками либерального феминизма и ошибочно полагали, что радикальный феминизм был просто истеричной версией классического либерализма. Общеизвестно, что отступление – это маневр, который трудно контролировать. Каждая уступка может быть использована для требования дальнейших уступок во имя соблюдения последовательности. Отсюда и появление во всех англоязычных странах законодательства о равных возможностях – а кто может быть против? Вскоре движение охватило университеты, многие государственные учреждения, промышленные предприятия и прежде всего средства массовой информации. Довольно скоро прием на престижную работу, требующую наличия ученой степени, стал жестко ограничиваться набором правил. Догмой было то, что 50 процентов всех рабочих мест должны принадлежать женщинам, хотя реальность наличия квот долгое время не признавали.

Конечно, существуют и более глубинные мотивы. Один из них заключается в том, что мужчины, как правило, реагировали на радикальный феминизм с чувством высокомерия, считая, что только справедливость (печально известная изменчивая идея) должна определять общественно-государственную политику. Исчезал баланс справедливости и силы, на котором зиждется искусство благоразумия. Это был крах житейской мудрости, который нетрудно объяснить. Можно предположить, что это следствие краха религии на Западе. Христианство требует, чтобы люди жертвовали всем ради достижения высшей формы совершенства, но оно не требует, чтобы светские институты общества поступали так же. Но будучи оторванными от реальной жизни, как это часто бывает у преуспевающих жителей Запада, по причине собственной глупости и все более отрывающиеся от глубокого понимания породившей их культуры, «попечители» нашей цивилизации стали предаваться самым изощренным формам самоотречения. Например, вскоре они поверили, что язык сам по себе сделал женщин невидимыми и что справедливость требует использования правильных форм женского рода. Без сомнения, они могли предаваться таким фантазиям, потому что давно усвоили идею о том, что на самом деле политкорректность была чем-то вроде шутки, не имеющей практического значения в реальном мире. Не проходило и недели без того, чтобы какая-нибудь политкорректная нелепость

не всплывала на поверхность, не вызывала смеха и не забывалась людьми, которые уже потеряли и волю, и способность сопротивляться.

Но за этим скрываются гораздо более глубинные течения в Западных обществах. Подобно тому, как брожение в университетах быстро привело к тому, что их поглотило государство, так и брожение радикального феминизма осуществляет старую большевистскую программу создания сообщества однородных существ, одушевленных неким единым проектом. По сути, это тоталитаризм, который, как нам казалось, мы победили в бою с внешними врагами, пытавшимися извне штурмовать стены Запада.

Итак, я полагаю, что радикальная феминистская революция есть не что иное, как разрушение нашей цивилизации. Все произошло так, что люди еще не осознали, что же случилось. Есть и такие, которые могут сказать, что, по крайней мере, это улучшило положение женщин. Но это, как мне кажется, ошибка. Такая точка зрения допускала бы изначальную дихотомию, – столь фатальную для европейской цивилизации, – что мужчины и женщины имеют разные судьбы. На самом деле, конечно, это не так. Тем не менее, нелегко дать отчет о том, как они сочетаются друг с другом. Действительно, невозможно предложить всеобъемлющую теорию, объясняющую эту взаимосвязь. Но многое можно сказать с уверенностью. Во-первых, женщины обладают собственными специфически женскими качествами, которые, как правило, мешают им полностью успешно вписаться в структуры, созданные мужчинами. Нет проблем, говорят радикальные феминистки: давайте изменим структуры! Это действительно можно сделать, но кое-что при этом теряется. Дело в том, что «мужчины» возводят «женщин» (если можно сделать такое широкое обобщение) на пьедестал, но при этом презирают их как слабых; любят и обожают их в рыцарском понимании этих терминов, но также имеют тенденцию угнетать и использовать их. Подобная амбивалентность обнаруживается и в отношении женщин к мужчинам. Вокруг этих взаимоотношений вырос целый мир игр и условностей, и они по-разному смотрятся из барака и спальни, в гостиной и магазине. Радикальный феминизм – это, по сути, лишенный чувства юмора рационализм, отбрасывающий единственно правильный-де тип отношений, который должен быть навязан и мужчинам, и женщинам.

Есть еще один момент, притом более сложный. Не будет ошибкой сказать, что европейская цивилизация была и остается на первом месте в игре великих держав только потому, что она столь удивительным образом проявляла новаторство. Она живет идеями. Иногда ученые предпринимают парадоксальные попытки теоретизировать новаторство и креативность, но результаты неизбежно оказываются банальными. Креативность по своей природе – загадка. Тем не менее время от времени представителям каких-то движений приходит в голову мысль, что они взломали код новаторства и нашли формулу прогресса. Именно это я склонен называть большевистским заблуждением, потому что Ленин и его соратники на самом деле верили в это, а Советский Союз показал нам, что происходит в результате такой гордыни.

Однако проблема шире. Весь мир сейчас вовлечен в дело модернизации, то есть копирования образа жизни, постоянно трансформирующегося в Европе, а теперь и в Амери-

ке – образа жизни белых мужчин, к которым теперь часто присоединяются умные люди (и мужчины, и женщины) из других регионов мира. Глобализация и компьютер – вот новейшие из чудес, которыми наша цивилизация потрясла мир. Дело в том, что до сих пор ни одна другая цивилизация не смогла поднять факел лидерства в сфере инноваций. Может быть, дело обстоит так, что сами европейцы потеряли сноровку или дошли до пределов своих возможностей; а, может быть, иначе. Просто мы не можем знать этого.

Что кажется понятным из имеющихся данных, это то, что женщины не обладают такой способностью к новаторству. Они привносят большие таланты в развитие того, что Томас Кун называл «нормальной наукой», но не были замечены в создании «сдвигов парадигмы», ведущих в новых направлениях. Может быть, конечно, как иногда заявляют феминистки, это происходит потому, что их никогда не приглашали к такой деятельности. Но нуждаться в поощрении, зависеть от моделей для подражания – это как раз и означает отсутствие способностей к новаторству. Именно мужчины были авторами изобретений и находили вызовы в природе, такие как восхождение на высокие горы или плавание в одиночку по всему миру. А поскольку это делали мужчины, то это сделают и женщины. Такие виды деятельности характеризует особого рода предприимчивость, доступная лишь небольшому числу людей, но они иллюстрируют и тот факт, что инновации остаются в основном специализацией белых мужчин. Женщины могут творить чудеса в доме, но в первую очередь, им нужно, чтобы этот дом был.

Таким образом, мой аргумент состоит в том, что европейская цивилизация подверглась нападению и завоеванию изнутри, причем никто в полной мере не осознал, что произошло. Мы можем смеяться над политкорректностью – некоторые даже отрицают ее существование, – но это наручники на наших руках. Она связывает нас весьма крепко, хотя некоторая свобода по необходимости остается, поскольку без участия угнетенных мужчин все очень быстро пришло бы в упадок. На самом деле политкорректность сводится к соглашению о примирении между завоевателями и побежденными. Женщины проложили себе путь к деньгам и статусу, иногда превосходящему их достоинства, но они также потеряли свободу (профессор Шауб называет ее «досугом»), которая могла спасти их от формализации в терминах современных западных стилей работы. Если бы этого не произошло, мы, возможно, были бы избавлены до некоторой степени от недовольства, которое сейчас нас тревожит. Быть «задействованными в жизни общества», как женщины – на рынке труда, имеет много практических выгод, но это связано с духовной утратой. До сих пор завоеватели не уничтожили кур, несущих золотые яйца, поэтому поверхность нашей цивилизации скрывает то, сколь глубоко оказались изменения. Но под этой поверхностью есть течения, которые мало кто замечает.

Революция свершилась, но она оказалась тихой. Она происходила так незаметно, что люди привыкли к ней мало-помалу. Вспоминается известный китайский палач, чьей мечтой было отрубить голову так, чтобы жертва не поняла, что произошло. Он годами оттачивал свое мастерство и однажды так идеально отрезал голову, что жертва сказала: «Ну, когда же ты это сделаешь?» Палач блаженно улыбнулся и сказал: «Пожалуйста, кивните».

Сведения о авторе

Кеннет Роберт Миноуг (1930–2013) был австралийским ученым и политическим теоретиком, видным представителем британского консерватизма. Он был профессором политологии в Лондонской школе экономики в 1984–1995 гг.

Сведения о переводчиках

Передерий Сергей Николаевич – кандидат филологических наук, ст. преподаватель, г. Ялта.
Email: s-peredery@mail.ru

Шевченко Олег Константинович – доктор философских наук, доцент, г. Ялта, Гуманитарно-педагогической Академии (филиал) «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Ялта.

Email: skilur80@mail.ru

Kenneth Minogue**HOW CIVILIZATIONS FALL**

Abstract: *The author convinces the reader that the European civilization was attacked and conquered from within, and no one fully realized what had happened. Revolutionary radical feminists were the actors of this attack. The political correctness flourishing in the West is essentially a truce between the invaders (feminists) and the dying civilization (the classical “male” West). The result of this truce is the decay of culture, economy, society, the weakening of the army, police and other sovereign bonds of the once powerful powers of the Western world.*

Key words: *radical feminism, cultural revolution, identity policy, conservatism*

Kenneth Robert Minogue (1930–2013) was an Australian academic and political theorist, a prominent representative of British conservatism. He was Professor of Political Science at the London School of Economics in 1984–1995.

Translators in Russian

Perederyi N. Sergey – Ph.D. in Philology, Senior Lecturer, Yalta.

Email: s-peredery@mail.ru

Shevchenko K. Oleg – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of «V. I. Vernadsky Crimean Federal University» in Yalta.

Email: skilur80@mail.ru